

ГЛАВА 4.

Бывшее Павловское военное училище, Ленинград.

Там стояли разрезы моторов и каких-то непонятных механизмов. А в одном классе стоит целый самолёт с ободранной обшивкой и видны два сиденья и рычаги управления.

Высокий щеголеватый командир взвода вызывает нас по списку и по группам разводит к дверям с табличкой врачей. На каждого заполняют большое дело «Санитарную карту» и начался обход кабинетов. Почти в темноте я сижу на вертящемся стульчике и меня крутят, считая обороты голова моя смотрит вниз и вдруг остановка. Но что-то продолжает вращаться, и я никак не попаду своим пальцем в палец врача, потом он долго смотрит в мои глаза и на секундомер.

Я был там первый, как и моя фамилия по алфавиту и не удивительно, что меня окружили и стали расспрашивать, как и что там происходит. Мы, не гадая решили, что я провалился раз даже не смог сразу прийти в себя после вращения. Вот выскочил как пробка второй, из дверей высунулась голова врача и белый листок вручен незадачливому добровольцу: - К адъютанту на приказ.

А в листке надпись, в первой графе, «Не годен».

-«Не годен». Оторопевший парень смотрит на листок и не верит своим глазам, как же так ведь он все упражнения проделал хорошо и даже несколько не закружилась голова И он стучится в двери кабинета

-Доктор скажите прошу Вас, почему я не годен?

- Не годен в авиацию, зато очень годен в артиллерию или флот, Ясно?

- Следующий побыстрее давайте ...

-Почему вы стоите? Прошли первый кабинет идите во второй и так далее

-Пока не забракуют...горько сказал парень с листком в руках.

-А вы не теряйтесь, что из того, вот здесь же, напротив тоже школа ВТШ только техническая, хотите мы вас направим? У них приём идёт и за наш счёт. Так говорил адъютант школы и не давал нам опомниться, гоняя всех прогуливающих по коридору в очередные кабинеты. Как долго и придирчиво проверяют зрение! А психотехника и врач по внутренним болезням и хирург! Все суставы прощупали, встаньте, ляжьте, сделайте приседания раз, два, три, пятнадцать. Так всё хорошо. Но на одном я споткнулся и растерялся от неудачи.

Это был «Кубик Блюменфельда». Это деревянный кубик был собран из многих частей разного размера и так ловко соединён, что никак не удавалось

найти способ его разделения. Долго вертел я его в руках то нажимая на отдельные участки, то пытаясь вытащить частичку и нечего из этого не получалось. Напротив меня сидел с часами в руках лаборант и вздыхал, глядя на мои усилия, видимо моё время истекало.

И вдруг чёрт его знает почему этот кубик стал разваливаться и я, глянув на лаборанта увидел, что он одобритительно кивает головой.

- Так хорошо, норма есть. Не собирайте. Он сгрёб в кучку брусочки, и я увидел, как они мгновенно стали опять кубиком.

Пока я решал задачу на конструирование, ломая голову как из прутиков и нескольких гаек сделать ферму, услышал сзади себя

- Та он жеж бисов кубик цельный. Вин або гвоздями сбит...

Это наш парень Тихон потеет над головоломкой и так не разобрал кубика, зато, когда ему лаборант показал секрет он мог только сказать одно украинское слово «Тюю...щоб ему...

Наконец в светлом зале, разделённом занавесками, заканчивается комиссование, и главный врач тихо беседует с членами комиссии держа заключения врачей в руках. Мне привязывают к руке какой-то прибор и на столе заработал, вращаясь барабан с бумажной лентой. На нём прыгала стрелка выписывая зигзаги и вдруг ... меня огрели по спине холодным, мокрым полотенцем. От неожиданности я вздрогнул. Что это?

-Сидите спокойно, так нужно.

Опять лаборант с часами в руках. Потом он отвязал манежу и сказал:

-Ну теперь всё. Хорош. Годен.

Выйдя в коридор, я не увидел больше прежнего оживления, где же мои товарищи? Навстречу по коридору идёт наш парень Романенко:

-Кого ищешь? Тут брат как пошли браковать то из десяти едва двоих пропустили, так и шли на вылет. Видишь, что делается до конца, прошли комиссию сегодня человек тринадцать. Остальные пошли по другим школам.

- Что же скажет теперь нам?

Сказали очень скоро, что завтра будут испытания по общеобразовательным предметам и явиться нужно ровно в девять в учебный корпус.

На другой день, в этом учебном корпусе нас снова просеяли через большое решето и нашего брата, претендентов на место в этой школе стало ещё меньше. Правда некоторым удалось упросить строгих экзаменаторов обещая подтянуться, другим удалось убедительно продемонстрировать свою мускулатуру. Одним словом, стало нас ещё меньше и направили нас на мандатную комиссию.

В небольшой уютной комнате сидели за столом три пожилых командира -Садитесь. Ну расскажите о себе ... Где родился как учился? Комсомолец? Даже член партии? Где вступал? Тогда расскажи на каких принципах строится организация нашей партии? Так теперь расшифруй нам как это получается ... Что это за вещь демократический централизм?

Поговорили о семейном положении.... Теперь уже совсем всё!

Потом был карантин, где целых две недели мы валялись на нарах строили несбыточные планы, пытались представить себе то, что ждёт нас впереди и конечно никто не мог знать какая судьба постигнет нас в скором времени. О нас заботились, хорошо кормили, снабжали литературой, но никто из командования сюда не заходил, и мы долго не могли разрешить наши самые насущные вопросы.

На тринадцатый день к нам зашёл врач и тщательно всех осмотрел даже температуру санитар всем померил. Потом была горячая баня и наши пожитки, связанные узлами, отправились в кладовку, а мы ...

Нас всех перед баней остригли наголо и теперь одевали в бязевое новое бельё, вручали каждому портянки и полотенце, далее выдавали обмундирование второго срока, тогда впервые мы слышали название Б.У. относившееся к нашим кителям и шинелям.

Со свёртками в руках шагаем по широкой лестнице за командиром взвода, идём в роту. Что такое рота? Огромная комната, в которой стоят рядами койки и на одном ряду старшина указал койку мне. Откуда ни возьмись возник отдельный командир и целый час учил как заправлять койку и посвящал нас во все премудрости жизни в роте. Нашёлся ещё помкомвзвод придирчиво оглядывающий нас. Кто-то из второгогодних курсантов уже успел наградить нелепым эпитетом «Сундуки». Впрочем, и мы, впоследствии так называли вновь прибывших. Получили винтовки и сразу, под наблюдением отделькома стали их чистить. Потом всё свободное время заняли строевые занятия и маршировка по улицам с песнями. Вот этими песнями наша рота и полюбилась комбату Смелкову, уж очень хорош был наш запевала Николай Егоров, ещё бы, из консерватории ушёл в школу ВВС.

Когда наша рота шла по улицам Ленинграда и Егоров начинал запев то многие прохожие останавливались, желая рассмотреть кто это поёт таким густым красивым басом. Потом он был непременно участником наших концертов и как было странно, что такой талантливый певец никогда не будет петь на настоящей сцене.

Начало занятий в классах показало, что мы знаем ещё слишком мало для понимания сложных законов аэродинамики и с нами ведут усиленные занятия

по математике. Предметов оказалось очень много: вооружение, радиотехника, фотография и аэрофотография, моторы и самолёты, аэронавигация и теория авиации, но что особенно было трудно и нудно -это занятия по тактике родов войск, языкам и топографии.

Всех предметов было за тридцать. Если к этому добавить выводы в поле на тактические занятия и поездки на аэродром то можно себе представить насколько перегружен был день. Дежурили по кухне и чистили картошку, прибирали полы в роте и топили печи. И всё же находилось время для интересной самостоятельности. Кто не знал комедийной постановки «ИВАНОВ ПАВЕЛ»? Её перекроили на новый лад, ладно подобранный текст с военным содержанием и, следовательно там фигурировали и наши преподаватели, они знали, что мы их шаржируем но не только не сердились, а даже представили в наше распоряжение свою повседневную одежду. Мне так же выпала неожиданно задача играть преподавателя пулемётов Саввопуло. Никогда я не пел, а тут пришлось по настоянию товарищей выйти на сцену с песенкой:

- Вот пред ва ми пулемёт, пулемёт, пулемёт

-Знать должны наперечёт, наперечёт да.

-Замок, держи и задвижки, дада задвижки, да, да задвижки.

И где головка у лодыжки, должны вы помнить наизусть.

Одежда и грим, что то сделала и преподаватели покатывались от хохота глядя как я демонстрировал картонный пулемёт своего производства с усовершенствованным стволом изогнутым для стрельбы из за угла. Успех постановки был потрясающий. Хохот в зале мешал петь и слова просто выкрикивались. На меня потом Саввопуло смотрел с сожалением – Я от вас ожидал большего, совсем было не смешно, право вы не комик.

Потом, на зачёте по вооружению он мне задавал самые каверзные вопросы, тянул и вздыхая поставил четвёрку.

Целое лето и зиму грохотали наши сапоги в длинных коридорах Терки. Лихо подсчитывал ногу бравый старшина группы Мозговой и нам давно уже этот строй и команды были не в тягость и наши думы были о том как бы получше сдать очередной зачёт и пугающе вспоминали рассказы о трудной рулёмке слышанные от старших курсантов которые так задирали перед нами нос, что не устаивали даже путевым рассказом о этом трудном упражнении в управлении самолётом на земле. Доходили до нас и смутные слухи о разных лётных происшествиях.

Наши старшие товарищи стали очень хорошо одеваться, все ходили в перешитых шинелях до пят, с красивыми, серыми воротниками и обшлагами. На воротниках хорошие петлички и «птички». Шлемы так же сшиты красиво

и многие ходили в хромовых сапогах. Мы не претендовали на «шик» и только некоторые сшили себе такие шинели /кстати и не пришлось им одеть на петлицы «кубики», они были отчислены за разные дела/.

Старшие уже укладывают чемоданы и шутя говорят, что передают нам эстафету и теперь ждут приказа. Потом в актовом зале им зачитали приказ о выпуске, и мы их больше не видели, ибо все уехали, когда мы были далеко, на тактических занятиях и вернулись очень поздно. Наш старшой по секрету сообщил нам, что в карантине полно новеньких и не позднее чем через две недели они займут все места в ротах.

Стало быть, теперь мы на очереди. В новых расписаниях уже стоит для нас пресловутая рулѐжка и ознакомительные полѐты. Пока мы стараемся взять всё что можно от занятий и с удивлением устанавливаем, что у всех стал «зверский» аппетит. Не стали оставаться на столах куски хлеба, появился даже новый лозунг: -Чтоб умерить аппетит -нажимай на динамит /так называли тогда курсанты ржаной хлеб/. Один из товарищей вечером рассказывал нам о Леонардо да Винчи его так же звали Леонид и вот в столовой, за обедом, мы ели макароны, и кто-то сказал -Макароны а ля Леонардо Завинчивай.

Нас всех одели в новенькое обмундирование и наш строй выглядит совсем хорошо. Наш командир роты Бржезицкий ежедневно осматривает нас, особенно перед увольнением в город. Это не даром, в один из дней нашу роту посетил маленького роста человек в сером, простом костюме и перед ним стол навтыжку дежурный по роте и рапортовал. С ним был и начальник школы Клышейко и ещё ряд командиров. Этот человек приехал из первых советских районов Китая по званию генерал, его звали Фын -Ю- Сян.

Генерал долго осматривал роты, классы и лаборатории. Подлетавшим с рапортом дежурным начальник школы указывал на генерала, который был доволен этими знаками внимания, но каждого обязательно о чём-либо спрашивал. Он неплохо знал наши уставы службы.

Особенно ему понравился манеж. Этот громадный зал наполнен разными спортивными снарядами, когда мы входили в него то должны были пройти все разнообразные упражнения: повисеть на шведской стенке, покачаться на кольцах, подтянуться на трапеции, забраться наверх по канату, спуститься по наклонному шесту, забраться на руках по лестнице и спрыгнуть в песок. Потом прыжки через коня, прыжки в длину и потом спортивные игры, до которых мы все были большие охотники. Наш преподаватель Решетников был чемпионом метания диска, копья и молота. Игры он выдумывал «на ходу», и они не повторялись на следующих уроках. Последней новинкой были «Ренские колёса» и «Глобус».

Сегодня один урок был пустым, и все покатывались со смеху слушая рассказы чудаковатого Николая Быдзана:

- Приехал я в Питер из деревни, ничего не знал какие тут порядки. Иду пешком по Лиговке, рот разеваю. К обеду до Обводного добрался, а дом тот, где тётка живёт никак не найду хоть плачь. Смотрю стоят ребята у стенки дома, играют во что-то. Хочу подойти спросить, где мне этот проклятый номер искать, а они уже меня увидели и рукой машет один подходи мол.

-Эй парень давай сюда. Иди, а то одного не хватает, становись рядом. Заинтересовался я смотрю они одному своему глаза завязывают и крутят на месте, и все встали в круг. У одного в руках яйцо и они стали передавать его, когда к нему приближался, тот, с завязанными глазами. Тот парень кидается туда, сюда, а они яйцо передают, и он не успевает его найти. Да и как найдёшь они его то в карман прячут то под кепку кладут. И тут яйцо попало мне в руки вернее, под кепку сунули мне, и я смеюсь ну нипочём не найти ему у кого яйцо. А он как знал вдруг повернулся ко мне, пошарил по рукам и прошёл мимо. Потом вдруг обернулся и как трахнет мне по башке ладонью. Тут я и обмер. Тухлятина по щекам течёт, вонь ужасная. Снял кепку, а там каша из скорлупы никак её не вытряхнешь. Стою как дурак, а они все как один у стенки сидят, кто хохочет, кто икает от смеха на меня пальцем указывают. Тут ещё ребята подошли. Смеются.

- Ну чего стал. Хромай отсюда дурак.

Зло меня взяло начал я их обзывать по всякому...

-Ше ты сказал? Это ты кому сказал? Повтори я слышу плохо?

-На тебе портянку утрись. Он бросил мне газету и я понурившись стал обтирать своё испачканное лицо и кепку. Когда управился их никого уже не было у этого дома. Вот так я приехал из деревни в Питер. Ну ладно кто следующий?

- Эх раз про яйца то я расскажу вам одну историю. Так начал свой рассказ «Жестянка» - Ерофеев.

-Это дело было ребята в прошлом году. Служил я в аэродромной команде красноармейцем, в караулы ходили, самолёты обслуживали, ну сами знаете, то привези, то принеси, весь день крутишься.

А был у нас старшиной украинец Грунтовой, упрямый как козёл и службист невероятный. Он нас всё тревогами донимал, то ли ему такие указания свыше, то ли сам придумывал чем нам досадить. Не любили его за жадность, да он знал об этом и говорил: «кукишь кажи, но в кишени чтобы я не видал».

Сам старшина так же ложился на койку раздетым и по тревоге успевал одеться раньше всех. Конечно он был молодец и научил нас расторопности только кто то скажи коменданту, что он нас донимает тревогами.

Тот был ещё чище Грунтового и пообещал проверить нашу подготовку. Вот и вышла из за этой жалобы история.

У нас было подсобное хозяйство во дворе, более сотни кур ходили и неслись в сарае. Комендант учитывал яйца и команда вообще не нуждалась в них. Но был у нас ездовой Загорняк, роста маленького, а ел за двоих больших. Он иногда баловался яйцами и команда это знала. Был он в этот день дневальным в команде. Поздней ночью, когда все спали Загорняк вышел во двор и прямо в курятник. Там запустил он руку в гнездо и вытащив пару яиц вернулся в помещение. И тут вдруг отворяется дверь и Входит комендант Кондратович. Наш дневальный обомлел и вставая с табуретки опустил яйца в чьи то сапоги стоявшие возле, в ногах кровати и бегом к коменданту для доклада.

- Не докладывай, а тихо буди дежурного. Сказал Кондратович и достал из кармана часы. Дежурный вскочил и вместе с комендантом стал посреди казармы.

Как гаркнет: Тревога!, команда в ружьё!

Все вскакивают и быстро одеваются и конечно никто не наматывает портянки, а суют все ноги в сапоги, прямым ходом с портянками вместе.

-Становись! Смирно! Товарищ комендант команда по тревоге построена! Докладывает старшина.

-Молодцы! Уложились во время! Старшина проверьте как завёрнуты портянки!

Побелел даже наш дневальный, когда стали все сапоги снимать. Стоит в стороне трясётся. Проверил старшина весь строй и нигде плохого не обнаружил, всё чисто. Тут наш дневальный и рот раскрыл. Вот такая история случилась.

-Так где же яйца были? Он же их в чьи-то сапоги спустил?

На другой день старшина каждому в глаза смотрел и только кряхтел и вот молодец так и не сказал никому.

Осенью когда Загорняк увольнялся и уже собирался с другими на вокзал он рассказал товарищам эту историю. Яйца попали ведь в сапоги старшины.

История занятная, урок прошёл незаметно.

И уроки, дни и месяцы летели столь быстро, «страшные зачёты» приблизились и стали неожиданно «завтра» можно было растеряться.

Но не так страшен чёрт, как его малюют. Ведь всё это уже было знакомо и много раз повторялось в разных вариантах. Первым зачётом сдали вооружение. Тактика технические данные, сборка разборка, устранение неисправности. Как странно, что у нас до сих пор не могут получить ни одной удовлетворительной оценки два неудачника Гавриков и Мадорский. На что они надеялись неизвестно, но уроки они просто просиживали и вечером, когда мы все старались закрепить пройденное они сидели обычно на койках болтали либо ложились спать. Это не прошло даром и им и всем нам. Преподаватели с недоумением ставили им знаки вопроса в журналах вместо буквы «Н». Так добрались они вместе с нами до пресловутой рулёжки.

Перед этим нас всех возили на ознакомительные полёты.

Вряд ли можно описать чувства, которые испытываешь, попадая на аэродром, запах масла, горячего мотора и авиалаков на всю жизнь въедается в сознание как преддверие полёта, от этих запахов любой лётчик приходит в какое-то возбуждение, появляется жажда деятельности.

Мы первый раз на комендантском аэродроме. Мороз загнал нас в большой самолётный ящик. Там топится печурка и весь лётный и технический состав жмётся к печке. Хотя в этом ящике сорок человек, но всем хватает места.

Один из лётчиков одноглазый Юржа составляет списки групп, и я попадаю к инструктору Полякову. Это маленького роста рыжеватый человек кутается в своё меховое пальто и позёвывает, у него красные веки и очень усталое лицо. Он плотно завязывает свою пыжиковую шапку-треушку, такую обыкновенную и ведёт нас к самолёту. Это и был мой первый самолёт «АВРО» 504 -К. Самолёты эти закупались в Англии и, вероятно не мало золота пришлось уплатить нашему государству за эти «У-1». Этот небольшой биплан имел на шасси ещё длинную лыжу для предотвращения капотирования. Мотор на нём был вращающимся вместе с винтом системы РОН мощностью в целых сто двадцать лошадиных сил. Механик проворачивает винт, мотор сопит и пощёлкивает клапанами. Потом короткая команда, рывок винта и мотор выбрасывает белый дым заработал, потом страшно заревел и вдруг мягко завёлся, клацающая клапанами и остановился. Механик скомандовал нам «Смирно» и доложил Полякову о том, что самолёт исправен и мотор работает хорошо.

Так буднично залезает в самолёт наш инструктор и вновь завёл мотор и самолёт развернулся на месте порулил на старт.

Посредине лётного поля лежит большое чёрное полотнище «Т» указывающее направление ветра и место посадки самолётов. Идём строем

огибая всё лётное поле и наконец подходим к старту где стоят уже четыре самолёта.

Из «нашей» тройки инструктор машет рукой, просит подходить поближе. Мотор остановлен, мы окружаем плоскость и стараемся не пропустить ни одного слова инструктора.

-Я вас буду возить сегодня, по очереди всех, предупреждаю, за управление не браться и ничего не трогать. Сел в кабину, привяжись, поправь очки и сиди смотри. Когда покачаю самолётом покажи, где наш аэродром. Всё ясно? Ну тогда ты...он ткнул пальцем в сторону ближайшей фигуры – Садись в кабину.

Всё просто, но залезать в самолёт мы не умели и технику пришлось показывать куда нужно ставить ногу и даже рукой направлять в отверстия на фюзеляже. Заработал мотор и самолёт подняв хвост помчался по полю. Рядом взлетел самолёт Пушнова потом Дзюбы и Юржи. На поле остаёмся мы, маленькие группы курсантов в засаленных куртках и поодаль кучка механиков и мотористов. Они смотрят на нас свысока, покуривают, хохочут. Мы же ... какими глазами смотрели на своих инструкторов. Недаром их прозвали богами. Кто-то из нашей группы щегольнул этим прозвищем -Кого то следующего возьмёт наш «Бог»?

А ведь звучно получается, может быть с непривычки к этому слову_?

Наша «тройка» идёт на посадку. Один из мотористов срывается с места и выбегает встречать машину, сел самолёт и моторист помогает развернуться на земле и вприпрыжку бежит, держась за крыло.

Самолёт заруливает на старт и останавливается. Из второй кабины вылезает, цепляясь сапогами за борт Лавров. Лицо его красно от ветра и сияет. Он быстро расстёгивает каску и передаёт мне, меня толкают, и я вижу руку инструктора, направленную на меня. На ходу мне нахлобучивают на голову каску и затягивают ремешки. /Тогда пробковый шлем, или каска были обязательны для учлётов/ надев очки медленно вползаю в кабину. Между ногами торчит ручка управления с круговой головкой, на полу педали, на которые хочется поставить ноги.

- Привязался? Киваю головой и вихрь подхватил всё побежало назад, а впереди одно небо и ничего больше, посмотрел вниз удивился...

Впереди строения уходят вниз и мчатся под нас, вихри воздуха дергают каску и очки сползают в бок и чёрт возьми мы то ведь летим!

Но сидеть на сиденье так же удобно и твёрдо как и на земле, так же тверды и неподвижны борта и пол твёрд.

А за бортом расстилается зимний Ленинград, торчит штиль Петропавловской крепости и в тумане сверкает купол Исаакиевского собора.

Самолёт резко качнулся, и я сразу вспомнил задание, показать в какой стороне аэродром. Подняв руку, показываю на хвост самолёта. Ведь летели оттуда сюда, значит он там, наш аэродром.

Едва я показал, как земля стала боком и потом самолёт встал на указанное мной направление. Как ни старался я уловить движение педалей и ручки – ничего не мог заметить, и только приблизив тихонько свои ноги к педалям ощутил еле заметные движения.

Мы снижаемся, и я вижу далеко впереди самолётик на поле и чёрное «Т». Потом разворот и земля стала приближаться, а мы катимся с огромной горы вниз, туда, чёрному «Т».

Стихает шум ветра в расчалках и уже мы на земле шлёпаемся лыжами и катимся по снегу. Встречает самолёт Лавров и ухватившись за дужку громадными скачками несётся вместе с самолётом к старту. Приехали! Расстёгиваю ремень каски вылезаю из кабины и смотрю на Полякова, но он не обращает на меня никакого внимания. Он машет рукой следующему.

Я перевариваю впечатления и меня грубо возвращают к действительности:

-Ну, что стоишь зеваешь? Давай самолёт встречай! Так и прошёл этот день первого знакомства с воздухом.

Мы мало делились впечатлениями, но по общему признанию неожиданное было во впечатлении твёрдости воздуха и это как-то ободрило, что ли и вселило уверенность в свои способности. Кроме того, уже теперь явилось сознание какой-то обыденности в этом деле.

Инструктор Поляков сказал, что из нашей группы только один показал неправильное направление на аэродром. Несмотря на наши расспросы он так и не сказал кто же это.

-Вы лучше скажите какое впечатление произвели на вас полёты?

-Что чувствовали, как на вас действовала высота?

Насчёт твёрдости полёта скажу, что это обманчиво, просто мы не попали в болтанку, вот тогда и не было бы такого впечатления.

А полёта вы не ощущали, ведь летели не вы.

Вот будете в летней школе проходить по пилотажу потерю скорости, падение на крыло тогда и почувствуете, что необыденное каждый день и всё новое и новое.

Вечером делясь впечатлениями о дне полётов, мы говорили о управлении машиной, том что скоро нам осваивать управление самолётом на земле и на

взлёте. Приближалось время рулёжных занятий. Теперь на каждой неделе мы сдаём какой-либо предмет и все они важны и необходимы. Сегодня сдаём радио дело и «морзянку». До самого конца учёбы идут занятия по тактике, надоевшие всем.

Теорию авиации ведёт замечательный преподаватель Рыбаков. В прошлом лётчик, он просто и понятно излагает свой предмет иллюстрируя многочисленными примерами.

Мотороведение ведёт инженер Кобус, он требует очень точных формулировок и правильных названий всей многообразной техники.

Довольно хорошо освоили топографию, научились читать карту, понимать рельеф, как будто всё кончено и можно сдавать, но нам прибавили ещё часов и началось изучение аэрографических схем, сетки Гаусса-Крюгера, триангуляционных основ монтажа это же беда.

Сдаём «Приборы» и аэронавигацию. Стреляем из разных видов оружия. Ходим на полевые учения с комбатом Смелковым, учимся не мёрзнуть на морозе и удивляемся как он в хромовых сапогах не мёрзнет в то время, как мы, намотав все наличные портянки страдаем от мороза.

Ещё только один год пробыли мы вместе, а группа стала крепко спаянным коллективом, наши отстающие постепенно общими усилиями стали успевать, усвоили уставную и техническую терминологию, и что важно, общение с товарищами таких отстающих помогало не только в учёбе, но и в воспитании. Раньше смеялись над Ерофеевым за его словечки, был такой случай: на уроке по моторам ему был задан вопрос: -При помощи чего магнето соединяется с валиком мотора? Не растерявшийся Ерофеев выпалил:

-При помощи стальной пластинчатой жестянки.

-Эх ты жестянка! Кто ответит правильно? Так, хорошо, при помощи гибкого пластинчатого соединения.

Теперь он своим старанием ставится в пример другим, не только как труженик, а как дисциплинированный курсант.

Но были в нашей группе и такие как Мадорский и Гавриков явно попавшие сюда по ошибке. Ведь Гавриков не мог даже при помощи своих товарищей сдать ни одного зачёта. Он упорно не выходил на физзарядку и несмотря на взыскания продолжал занятия физкультурой проводить по своей системе, именно влезал на стул и несколько раз спрыгивал на пол и медленно водил вокруг себя руками стоя на одной ноге. Свой пайковый сахар он клал в миску, заливал холодной водой и толк его деревянной ложкой, затем съедал его весь (месячный паёк!).

Сначала мы дивились, потом стали его увещевать, а позже махнули на него рукой. Странно, что наше начальство им стало интересоваться лишь к концу учёбы. Впрочем, выгнали его как-то незаметно. Вызвали с зачёта, и он больше не пришёл. Мадорский был отчислен с большим треском. Этот случай на рулёжке запомнился всем. Это был день которого мы долго ожидали.

Ведь нам предстояло самостоятельно управлять самолётом, пусть даже на земле. Аэродром был приспособлен для этих занятий так: вдоль границ шли ряды воткнутых в снег веток ёлки, и мы должны были двигаться вдоль этих вех.

На аэродроме стояли в ряд четыре стареньких самолёта типа «МОРАН»-Ж. У каждого с плоскостей были срезаны куски обшивки, чтобы он не мог взлететь и вот нам предстояло сесть в кабину этого одноместного самолётника и запустив мотор двигаться вдоль вех без помощи моториста. Потом, когда ученик овладевал управлением ему давали возможность мчаться с поднятым хвостом как на взлёте.

Сложность управления была в большом запаздывании машины, не желающей слушаться сразу, да и ещё в том, что управлять нужно было ногами.

Наш Мадорский вырулил на малом газу вперёд и вдруг помчался зигзагами по полю и вдруг развернувшись мчится прямо на стоящие самолётники «Моськи». На беду, одна из них выруливала вперёд и Мадорский как орёл на добычу кинулся на неё.

Раздался треск, полетели вверх куски дерева и винта, мотор взвыл и кроша остатком пропеллера фюзеляж, жевал его двигаясь всё ближе и ближе к кабине в которой сидел ничего не понявший наш Ерофеев.

Крики, все бегут к самолёту Мадорского, а он невозмутимо смотрит вперёд так же, не сознавая ничего.

Наконец один из инструкторов дал ему по башке и своей рукой выключил мотор. Стало очень тихо и только ругань возмущённых инструкторов и техников разносилась по всему аэродрому.

- Я ничего не мог сделать с этой проклятой машиной. Даю ногу вправо, а она идёт влево и крутится на месте ... я не понимаю, как она управляется?

- Не понимаешь? Что ты вообще понимаешь? Глаза у тебя видят, куда тебя чёрт несёт? Болван ты или человек? Видишь ведь, что на живого человека наезжаешь так твою ... и растак г... Вон отсюда. Что бы я тебя не видел. Кончено твоё учение.

Ушёл Мадорский в тепляк, а мы продолжали наши занятия и что же...

Настала моя очередь подать команду о запуске мотора и выруливать. К моему удивлению, самолётник отлично слушался рулей и послушно

поворачивается в нужном направлении, правда немного лениво. Когда мне разрешили рулить по прямой с поднятым хвостом и моя машина помчалась на полном газу вперёд я почувствовал, что теперь она не ленива, а наоборот, стала норовистой и мгновенно слушалась давления на педаль. Теперь к задаче выдержать направление прибавилась новая именно держать нос по горизонту и хвост «трубой». Так, опуская хвост на поворотах я успешно обошёл весь аэродром и подрулив к группе увидел, как инструктор скрестил руки над головой «выключай». Значит упражнение зачтено. На площадке, рядом мотористы растаскивали два разбитых самолётка Моран -Ж.

— Вот и сдохла одна «Моска» шутили они. Происшествие было неприятно ещё по тому, что ведь у инструктора Юржи не было правого глаза и он не видел, что выделял на поле самолёт с Мадорским и выпустил рулить своего ученика. Странно зачем был допущен к машине этот странный косолапый парень, который не мог выполнить ни одного упражнения по физкультуре и стрельбе.

В наш Ленинский уголок стали частенько захаживать преподаватели предметов, стоящих на очереди к сдаче. Они дают консультации в своих спец.классах и приглашают всех отстающих.

Моё рисование на уроках не прошло незамеченным и однажды меня позвали в учительскую и три преподавателя тактики втолковали мне какая должна быть схема на завершающей тактической игре и как её нужно делать. И так схема тактической обстановки на пяти листах полуватмана и время исполнения всего неделя. Любопытно выразился старший преподаватель Борщёв:

- У меня нет сомнений, что эту работу должны выполнить именно вы и ... получите бумагу. Можете идти.

- Хорошо только я возьму себе ещё одного в помощники ... попрошу старшину.

-Берите хоть двух только сделать нужно вовремя, к сроку.

У меня были другие планы и теперь, когда у меня завелось множество знакомств я старался удирать из школы при каждой возможности. Ведь меня ждали, как же мог не придти? Как же словчить?

Придя в роту, я передал бумагу старшине Гусеву и — вот поручили, нужна схема для тактики и дали карту для увеличения. Сказали, чтобы Бобков её сделал, да побыстрей.

-В крайнем случае я помогу.

Старшина быстро разобрался в схеме и отпустил меня.

Как он любил командовать!

-Бобкова ко мне! Станьте как положено, подтяните ремень!

Потом чётко изложил задание и потребовал повторить. Он всунул в руки Бобкова рулон бумаги и отпустил его. Срок же дал всего четыре дня. Эх нехорошо малость, что он будет корпеть над этим делом, а не я. Человек он был способный и конечно всё сделает быстро. Старшина от него потребовал, что бы он сдал работу ему и он сам отнесёт её в учебную часть. Я же без угрызений совести заканчивал работу над стенгазетой.

Грохнули мы там одну статью про плохую направленность газеты наших соседей, третьей роты. Там изощрялись в остроумии наши юмористы и оценку дали уничтожающую. Ведь надо же было написать, что газета впору детскому саду для умственно отсталых детей и пр.

«Боевой подготовке не способствует».

И вот пришли они, те самые, о которых мы написали издевательские слова. Они молча прочитали всё, что было написано и пошли жаловаться замполиту Тарулису. Незамедлительно пришёл в роту Тарулис и приказал принести газету третьей роты. Он долго читал всё и так же нашу стряпню и раза два снимал и одевал свои очки. Он раздувал, а мы млели в ожидании, что он скажет.

-Наша стенная печать иногда уходит от насущных тем, нужно больше думать об улучшении нашей работы.

— Вот здесь критика, а она больше похожа на стремление задеть самолюбие похожа на ругань. Правда на форму критики обижаться нельзя, она нам нужна. Давайте выпустим следующий номер о ходе итоговых занятий и зачётов, только по-деловому.

Так закончился этот неприятный разговор.

Газету мы сделали, деловую и серьёзную, но вышла она прескучной.

Старшина заставил Бобкова просидеть почти целую ночь над схемой и утром торжественно понёс её в учебную часть.

Игра началась вовремя. Одни за другими сдаём зачёты, отстающих нет.

Больше нет Мадорского, нет Гаврикова с его «системой совершенства». Последнее, что осталось в памяти заключительная игра по тактике, занявшая три дня. Игра была двухсторонней и оказалась даже интересной.

Приходил в роту комбат и рассказывал нам о порядке убытия куда, что сдать, и рассчитал наше время отъезда. Все заказывают себе фуражки с большими кожаными козырьками, отдают перешивать обмундирование, покупают дорогую обувь. Не избежал этого и я.

Всё случается неожиданно, так и зачтение приказа о выпуске из школы и дальнейшем назначении в город Борисоглебск для прохождения службы.

Настал день прощания с Ленинградом, со всеми друзьями по заводу, с девушками, не верившими в мой отъезд до самого последнего дня. Пришлось им проводить меня и помахать мне ручкой на перроне Октябрьского вокзала.

И радостно было и жаль из Ленинграда уезжать и грустно, что многого больше никогда

Прощай Ленинград.

Не хотелось покидать этот сказочно красивый город. Не успел я зарисовать твои красоты, твои мосты, дворцы и каналы. Не успел и никакой надежды на то, что это когда-либо осуществиться.

Прощайте и вы заводские ребята и девчата, что пришли меня проводить на вокзал и до скорого свидания черноглазая. С тобой встретимся ели дела пойдут хорошо. Что то ждёт нас в Борисоглебске?